

Из книги: Последняя война Российской империи. Россия, мир накануне, в ходе и после Первой мировой войны по документам российских и зарубежных архивов.

Материалы Международной научной конференции — Москва, 7—8 сентября 2004 года. М., Наука, 2006. Стр. 226—232.

Р.Бойен. Бельгийский корпус броневиков в русской армии во время Первой мировой войны

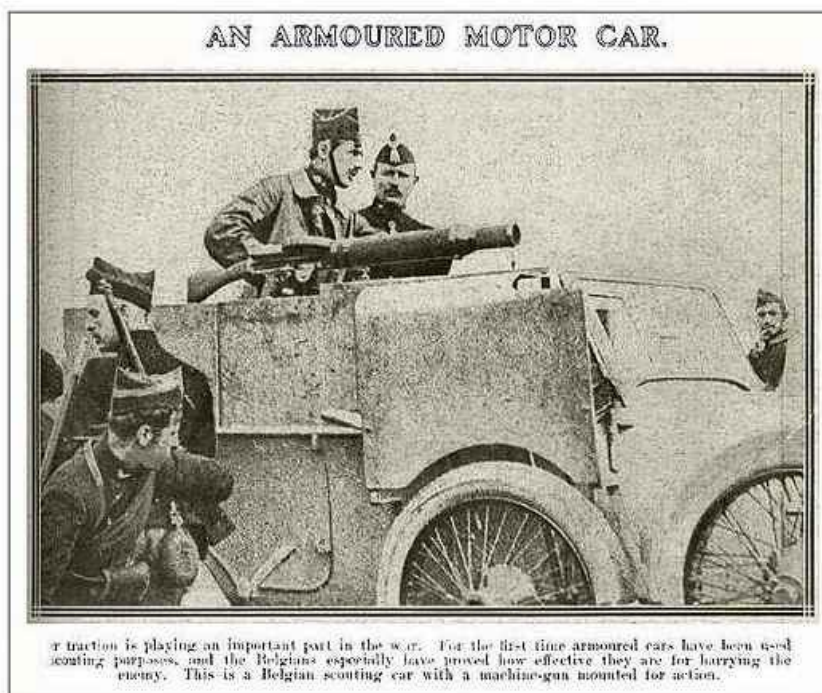
Малоизвестный факт - бельгийский корпус добровольцев (360 человек, 10 броневых автомобилей, 7 мотоциклов, 10 грузовиков для материально-технического обеспечения) в составе русской армии участвовал в Первой мировой войне. О том, как это получилось, рассказывает статья Р. Бойена "Бельгийский корпус броневиков в Русской армии", которую мы приводим здесь.

Впервые идея применения бронированных машин возникла в самом начале Первой мировой войны, когда четверо друзей (Шарль Хенкарт, Бодуэн де Линь, Анри де Вильмон и Отт) приспособили для этого автомобиль «Минерва», оборудовав его примитивной броней и снабдив пулеметом. С переменным успехом они использовали его в рейдах против германских войск, пока он не попал в засаду и не был уничтожен. Рассказы об этих подвигах дошли до бельгийского военного атташе в Париже майора Огюста Коллона, который развил идею, сформировав собственный корпус бронированных автомобилей (Corps beige des Autos-Canons-Mitrailleuses) с помощью двух фанатиков – барона де Кравеца (владелец широко известного конезавода) и графа Ги д'Аспремон-Линдена.

Основу нового формирования составляли машины марок «Пежо» и «Минерва» (скорость до 80-90 км/ч), вооруженные 37-мм пушками, использовавшимися в военно-морском флоте, и пулеметами Хочкисса. В полном снаряжении вес броневика достигал 4000 кг. Кроме боевых экипажей, каждый из которых состоял из командира, пулеметчика, водителя и помощника водителя, корпус имел техническую службу, группы мотоциклистов и велосипедистов. Очень властный Коллон хотел, чтобы его подразделение стало настоящим элитным, для чего в парижском доме моды «Пакен» была заказана специальная униформа, а набор личного состава происходил из заядлых автомобилистов, принадлежавших к дворянским родам. Но несмотря на то что представителей последних действительно было немало, основу корпуса все же составляли солдаты не из знати, такие, например, как 18-летний поэт Марсель Тири, изъявивший желание «развлечься и поучаствовать в добрых сражениях», или Герд,

больше известный под именем Констан ле Марина (Констан-моряк), профессиональный борец. Он прославился боевым кличем: «On a leur couper la tête!» («Мыотрежем им головы!»), который переняли и русские военные, сражавшиеся вместе с бельгийцами. После тренировок в Булони корпус в апреле 1915 г. был направлен на бельгийский фронт, где на грязных, затопленных полях Фландрии единственное, что оставалось делать его личному составу, – это ждать и умирать со скуки.

Однако вскоре все изменилось. В июне того же года фронт посетили российские высшие военные чины, на которых бронетехника произвела большое впечатление, вместе с тем удивила бездеятельность столь дорогого подразделения, превратившаяся в пустую трату времени и денег. Правительства Бельгии и России пришли к соглашению: корпус броневиков под командованием майора Коллона передается в распоряжение русского царя для использования в боевых действиях в Галиции. 20 июля с ведома высших бельгийских военных властей был объявлен набор добровольцев для участия в боях на Русском фронте в составе элитного формирования. Около 360 солдат и офицеров откликнулись на этот призыв, еще 85 присоединились к ним несколько позже, в 1916 г., уже в самой Галиции. В сентябре 1915 г. экспедиционный корпус добровольцев (360 человек, 10 бронеавтомобилей, 7 мотоциклов, 10 грузовиков для материально-технического обеспечения) покинул Брест на английском судне «Врей Кастл», взявшем курс на Архангельск. Путешествие длилось около трех недель без особых эксцессов, если не считать инцидента с мерзлой картошкой, которую использовали в пищу. Майора Коллона с корпусом не было – вместе с графом д'Аспремон-Линденом он через Италию, Грецию, Сербию, Румынию и Одессу отправился в Петроград в комфортабельном железнодорожном вагоне.

Первое впечатление бельгийцев от России было традиционным для иностранцев. «Грандиозная мозаика, золото на голубом фоне, белые стены и круглые башни церквей: Архангельск!» – писал Марсель Тири. Военврач Брассин дал другую оценку: «Кругом грязь, неразбериха, примитив и глупость». Капитан Ван дер Донкт попытался разобраться в «русской душе»: «Смесь европейских и азиатских чувств, полная контрастов, которые смущают чужестранца, – писал он впоследствии. – Иногда мягкие и стоические мелодии патриотических солдатских песен, затем печальные и монотонные мелодии крестьянских девушек, сидящих на пороге ... И снова жестокость и варварство, как будто Иван Грозный все еще жив».

Из Архангельска они переехали в Петроград, где были освистаны и почти атакованы местным населением. Напуганные и ошеломленные, бельгийские солдаты позже узнали,

что их приняли за австрийских военнопленных. Недоразумение быстро забылось, и начался «медовый месяц». Корпус разместился в Петергофе, который произвел на прибывших сильное впечатление. «Представьте себе Версаль, перенесенный на Финский залив..., – писал Брассин, – и нас буквально пичкали деликатесами, икрой, водкой, на нас сыпался поток приглашений каждое утро». Богатые рестораны не закрывали свои двери перед бельгийцами, а те, хотя действовал запрет на алкоголь, находили возможность, чтобы раздобыть выпивку. Лиричный Марсель Тири вспоминал: «Бледные пристани на Неве, непостижимый Эрмитаж... свидания с женщинами, нежная мелодичность их волшебного языка».

8 ноября офицеры корпуса были официально представлены в Царском Селе императору, а в начале декабря перед ним парадным маршем прошли бронев автомобили, мотоциклы и велосипеды. При этом бельгийцев, в частности Ван дер Донкта, тронули застенчивость и благородство царя. Но были и другие впечатления. Так, Брассин весьма жестко пишет о

Распутине, видя в нем «корень всего зла». По его словам, это «ужасная бестия, повергающая Россию в бездну». И все же большинство бельгийцев находились под впечатлением доброжелательности русского царя. Один из них писал домой: «Представь себе, он спросил нас, переносим ли мы холод!» Запомнилась им и примечательная сцена, вызванная тем, что государь пожелал залезть в броневик. Оскар Тири, брат Марселя пытается ему помочь, дав без злого умысла толчок в «заднюю часть», но прежде чем ему это удалось сделать, русский офицер крикнул: «Никто не смеет трогать царя».

Произошел эпизод, закончившийся скандалом, когда майор Коллон, никого не проинформировав, произвел сам себя в полковники. По его мнению, бельгийский майор равен именно российскому полковнику. Дипломатический конфуз зашел так далеко, что Коллона, доставившего корпус в Галицию, отозвали домой и разжаловали, правда после того, как приехал новый командир – майор Шемет.

В конце января 1916 г. корпус броневиков прибыл в Збарац на участок генерала Брусилова (зона австрийской оккупации), а в апреле подразделению представили нового командира. Ситуация стала меняться: укреплялась дисциплина, нарушители отправлялись домой. Сам же Шемет о своей миссии в России отзывался так: «Мы вновь переживаем нашу историю трехсотлетней давности».

Летом началось наступление генерала Брусилова, в ходе которого бельгийцы приняли участие в боях на тарнопольско-львовском направлении. В первом же столкновении с противником один бельгиец погиб, четыре других пропали без вести, когда группа

велосипедистов попала в засаду около Цebroва. Однако затем новости становятся приятнее: бронированный корпус первым занял Езерну и несмотря на сильный артиллерийский огонь закрепился в Зборове. Во время грандиозной церемонии в Езерне 104 бельгийца получили Георгиевские кресты.

Belgian armoured motor-car going into action near Ghent. (Note the barricade in the background)

Из Езерны корпус переместился в Боецьяцы и 16 сентября принял участие в русском наступлении близ Свистельников. Brassin увидел в нем настоящее побоище, где были «бесчисленные раненые... тысячи убитых». Он выразил недовольство российской медицинской службой, являясь единственным врачом на линии фронта, в то время как его русские коллеги находились в глубоком тылу. Brassin удручен отсутствием гигиены и поражен русскими похоронами, когда гроб закрывают в самую последнюю минуту.

К русским солдатам бельгийцы относились со смешанными чувствами, считая, что в бою они хороши. Шемет говорил о «древнем и великом русском народе», о том, что его соотечественники должны быть благодарны русским, которые несмотря на «невероятные потери продолжают сражаться за общее дело». Тири писал: «Удивительные солдаты! Их всего лишают, они с трудом понимают, за что они сражаются, однако они продолжают драться несмотря на усталость, физические и моральные страдания». Однако, как только бой кончается, русские солдаты говорят только о «домой», так что в глазах Тири они

становятся «жалующимися телятами». Им требуется строгая дисциплина, пишет Шемет, им нужен авторитарный режим, как у негров в Бельгийском Конго или аборигенов в Голландской Индонезии! Большая проблема, по мнению бельгийцев, с низшим командным составом Русской армии – прапорщиками. Они запрещают бельгийским солдатам курить на улице, посещать дорогие рестораны. Вновь прибывший Штирс характеризует одного из них так: «Тупой крестьянин, едва научившийся писать свою фамилию и ведущий себя как тиран, потому что он завидует нашему успеху у девушек!» Множество бельгийцев просили вернуть их домой, красноречиво мотивируя свое стремление: «Довольно царской дисциплины». К счастью, визит генерала де Рикеля, главы бельгийской миссии в России, разрешил ситуацию. Он – желанный гость в царской ставке в Могилеве, и как русский император может отказать в чем-то бельгийскому барону, который катает на своих широких плечах царевича?.. В результате бельгийские солдаты больше никогда не должны были подчиняться суровой русской дисциплине. Неожиданно бельгийцы были разбужены звуками «Марсельезы», под которую царь отрекся от престола, под нее же к власти пришел Керенский. Последнего Ван дер Донкт, находившийся в Киеве, где дислоцировался корпус броневиков, считал идеалистом. Вместе с тем тот ему был неприятен: «Красная угроза надвигается».

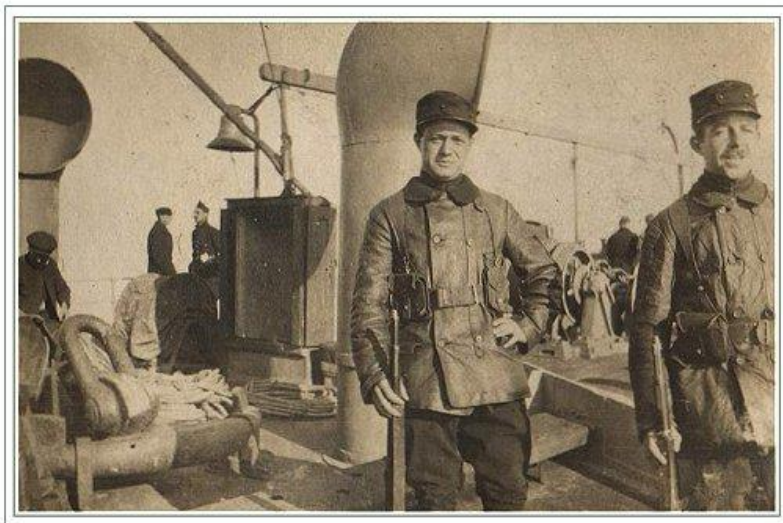

Этот вывод Ван дер Донкт сделал после того, как увидел обернутую красной материей статую Столыпина. У Марселя Тири создается такое же впечатление, когда он видит попа, благословляющего красный флаг. Другие бельгийские солдаты настроены более оптимистично и пишут своим невестам: «Вскоре все изменится. Мы забьем германцев до смерти. Я бы не хотел оказаться на их месте!» А «жалующиеся телята», как пишет Тири, т.е. русские солдаты, уже не жалующиеся, а требующие. В корпусе броневиков не знают, что делать. В конце весны, чтобы поддержать земляков, прибывает неожиданный гость – министр Эмиль Ван дер Вельде, бесспорный лидер Бельгийской социалистической партии. После его пламенной речи все бельгийцы, а вместе с ними и присутствовавшие при этом русские подхватывают знаменитый клич ле Мартина «Мы отрежем им головы!». К сожалению, боевой порыв оканчивается катастрофой: немцы наступают, русские бегут, «тяжело зараженные бациллой анархии», как считает Тири. Ван дер Донкт становится свидетелем наказания дезертиров киргизскими кавалеристами из «Дикой дивизии». «Удивительные кавалеристы! Это единственное положительное впечатление последних дней», - отмечает он.

В августе 1917 г. майор Шемет просит освободить его от командования корпусом, и его просьбу удовлетворяют. После его отъезда в Бельгию ему на смену прибыл одноглазый Роуз.

В октябре к власти в России пришли большевики во главе с Лениным, а бельгийцы снова оказались в Киеве. Там они дискутируют с новой Украинской Радой. Бельгийцы невысокого мнения об украинских солдатах Рады. «Опереточные офицеры со своими карнавальными солдатами», – писал Тири. «Примитивный парад», - комментировал Ван

дер Донкт. Затем они становятся свидетелями взятия в феврале 1918 г. Киева большевиками, с которыми во второй половине того же месяца достигают следующей договоренности: они могут покинуть Киев, но без своих броневиков. Однако им, согласившимся с этим условием, удается повредить двигатели и вооружение. Получив разрешение взять винтовки, они умудряются прихватить с собой и пулеметы.

Личный состав элитного экспедиционного подразделения покинул Киев 20 февраля 1918 г. на специальном поезде даже со специальным купе, предназначенным для семи бельгийских солдат, женившихся на русских девушках. Один солдат, де Поттер, тяжело больной, остался. В течение нескольких месяцев он находился в смертельном страхе перед большевиками, пока в апреле его не спасли французские офицеры, отбывавшие в Румынию. Другие бельгийцы достигли Москвы, в числе которых был Марсель Тири. Ему показалось, что германские офицеры вели себя на Красной площади, как в оккупированном городе.

Из Москвы поезд направился в Вологду, где мнения о дальнейшем маршруте разделились: в Сибирь или в Мурманск и Архангельск? Тех, кто отправился по первому маршруту, на первой же станции после Вологды настигла телеграмма генерала де Рикеля, потребовавшего двигаться по направлению к Мурманску. Однако большинство солдат корпуса отказывались ехать туда и начали брататься с красноармейцами (лидер бунтовщиков, молодой унтер-офицер из группы велосипедистов по имени Жюльен Лахаут, после войны стал лидером Бельгийской коммунистической партии, а в 1950 г. был убит неизвестным).

В течение трех дней никто не знал, что делать. Затем китайский посол сообщил, что железная дорога на Мурманск перерезана германскими войсками и бельгийцы могут без дальнейших дискуссий продолжать свое путешествие по сибирскому маршруту. «Бесконечные ряды сосен, Урал, затем березовые леса, Азия, – писал об этом путешествии Тири. – Мертвое царство мороза и тишины».

10 марта новые проблемы в Омске. Местные советские власти потребовали, чтобы бельгийцы сдали оружие. Ван дер Донкт взрывается: «В 1914 году германцы предлагали Бельгии золото или свинец. Мы выбрали свинец и всегда и везде теперь будем выбирать свинец». Советы снимают свои требования на условии, что бельгийцы не присоединятся к белым войскам.

Поездка продолжается до Иркутска. Бельгийцы, по словам русских проводников, «все время думают о своих желудках». Около Иркутска они встречают освобожденных австрийских и немецких военнопленных, которые настаивали на том, что солидарность между народами Европы против азиатской России необходима для спасения европейской цивилизации. Реакция бельгийцев, как пишет Тири, была короткой: «Пошли к черту».

В Чите глава местного совета Лазо хотел обыскать поезд, надеясь изъять пулеметы. Бельгийцы откупились от проверявших солдат: те пулеметов не нашли, но получили взамен добротные бельгийские ботинки.

На китайской границе пересели в китайский поезд - вагоны комфортабельные и сделанные в Бельгии. 27 марта они встретили в Маньчжурии офицеров Белой армии. Три недели жили в Харбине, оставив впечатление о Китае хуже, чем о России. «Земля, полная болезней. Этот бедный народ питается отбросами или того хуже. Даже сейчас, когда я вспоминаю все это, я начинаю чесаться», - писал Штирс.

23 апреля – Владивосток! Почти все бельгийцы присутствуют на приеме на борту американского крейсера «Бруклин». Троих нет: они пошли охотиться на тигров и ... вступили в Белую армию. Там им присвоили звания капитанов, а еще позже они узнали, что такое поражение и трудовой лагерь. Только одному удалось сбежать вместе с женой и двумя детьми в Ригу в конце 20-х годов.

25 апреля корпус бронированных автомобилей причалил на корабле «Шеридан» в Сан-Франциско. Бельгийцы, служившие в Русской армии, торжественно проследовали по американской земле и в июне 1918 г. прибыли в Париж, где подразделение немедленно расформировали. Бельгийские власти боялись, что оно заражено революционными идеями.

Оглядываясь назад, Марсель Тири писал, что у них если и осталось «что от русского народа и российской жизни, так это любовь, которая прочнее, чем горечь неудач и разочарований». Для них, по его словам, «это всегда будет страна, где мы провели три удивительных года».

В заключение можно сказать, что до сих пор нет написанной полной истории этой экспедиции. Имеются статья Огюста Тири и некоторые опубликованные и неопубликованные мемуары участников.

Перечислю их: Тири О. История Бельгии. Бельгийский экспедиционный корпус в России (1915-1918); Вегеманс Е. Русская гора. Берхем, 1989. С.125-150; Брассин В. Моя кампания в России (с бельгийским экспедиционным Корпусом броневиков). Намур, 1957; Брассин В. Бельгийский фронт, русский фронт, русская революция, Америка. 80 000 км бельгийского солдата по войне. Шателе, 1934; Тири О и М. Кругосветное путешествие бельгийских броневиков по дорогам войны. Брюссель, 1965; Ван дер Донкт Е. С бельгийским Корпусом бронированных автомобилей через русскую революцию. Брюссель, 1920. Некоторые материалы переписки и мемуары хранятся в архиве Королевского военного музея в Брюсселе.